

DOI: 10.31857/S013038640013654-7

© 2021 г. И.Э. МАГАДЕЕВ

«ТЕНЬ ИМПЕРИЙ»: ПРОБЛЕМЫ СТАБИЛЬНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В ОЦЕНКАХ БРИТАНСКИХ ДИПЛОМАТОВ И ПОЛИТИКОВ (1920-е годы)

Магадеев Искандэр Эдуардович — доцент Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Россия).

E-mail: iskander2017@yandex.ru

Researcher ID: M-4145-2014

Аннотация. В статье на основе материалов Национального архива Великобритании и опубликованных дипломатических документов рассматривается вопрос о том, какую роль в оценках британских дипломатов и политиков относительно стабильности в Центральной и Восточной Европе в 1920-е гг. играли представления о возможном возвращении прежней стратегической и экономической ситуации, существовавшей в субрегионе до начала Первой мировой войны. Ввиду доминирования в Центральной и Восточной Европе до 1914 г. имперских образований подобные представления обозначены для краткости как «тень империй». Автор выделяет три ключевые проявления подобной «тени», сказывавшейся в суждениях и оценках, которые влияли на принятие решений в правительстве и министерстве иностранных дел Великобритании. Первое из них — это опасение советско-германского сближения (прежде всего, за счет ликвидации Польши), а также возможного усиления российского влияния на Балканах. Второе проявление «тени империй» — стремление британской дипломатии поспособствовать возрождению (в той или иной форме) единого торгово-экономического пространства бывшей Австро-Венгрии. Наконец, третье проявление — критика национализма новообразованных/воссозданных государств и стремление «сгруппировать» их в более крупные конфедерации или блоки. По итогам проведенного анализа сделан вывод о немаловажной роли, которую «тень империй» играла в британских оценках стабильности в Центральной и Восточной Европе в 1920-е гг., а также о противоречивом характере подобных оценок. Жесткий прагматизм и фиксация в них интересов Соединенного Королевства сосуществовали с целым рядом национально- и социально-окрашенных стереотипов и представлений.

Ключевые слова: Центральная и Восточная Европа, стабильность, Великобритания, внешняя политика, региональная политика, послевоенное устройство.

I.Ed. Magadeev

“Shadow of Empires”: Ways and Means of Stability in Central and Eastern Europe Viewed by the British Diplomats and Political Leaders in the 1920s

Iskander Magadeev, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO—University) (Moscow, Russia).

E-mail: iskander2017@yandex.ru

Researcher ID: M-4145-2014

Abstract. Using the evidence from the National Archives of Great Britain and published diplomatic documents, this article analyses the role, which the “shadow of empires” played in the British

diplomatic estimates of the 1920s regarding the international stability in Central and Eastern Europe. This “shadow” is interpreted as the influence exercised by the idea that the past images and realities of the international relations in Central and Eastern Europe before 1914, dominated by empires, could re-emerge. The author defined three main manifestations of this pattern. First, the fears that Germany and Russia would drift towards each other at the expense of Poland, and the feeling of risks, which emanated from the eventual growth of the Russian influence in the Balkans. Second, the British desire to reestablish the common economic space of the former Austro-Hungary in Danubian Europe. Finally, the criticism of nationalism of created/re-created states and the attempts to group them in confederations or blocs, which was rather widespread in the Foreign Office circles. The author concludes that the “shadow of empires” played a significant role in the British estimates of the post-war stability in Central and Eastern Europe though its influence and nature remained controversial. It was characterised, on the one hand, by the pragmatism and the desire to defend the British strategic and economic interests, but on the other, by the stereotypes and biased conceptions.

Keywords: Central and Eastern Europe, stability, the 1920s, Great Britain, Foreign Office, Whitehall.

Сложно спорить с тем, что распад четырех империй — Российской, Германской, Австро-Венгерской и Османской, — произошедший в результате Первой мировой войны, привел к резкому изменению геополитического и стратегического пространства в Европе. Однако масштаб изменений, произошедших на Западе и Севере Старого Света, с одной стороны, и в Центре и на Востоке — с другой, разнился. Несмотря на все политическое и экономическое значение трансформаций в Западной и Северной Европе — возвращение Эльзас-Лотарингии Франции, приращение территорий Дании (Северный Шлезвиг) и Бельгии (Эйпен-Мальмеди), создание Австрии как отдельного государства, а не фактического центра Двуетидной монархии, наконец, временная передача Саара под контроль Лиги Наций и оккупация левого берега Рейна странами Антанты — размах изменений в Центральной и Восточной Европе (ЦВЕ) был несравнимо большим. Прежде всего, речь шла о создании или воссоздании целого ряда государств на осколках бывших империй — Польши, Венгрии, Чехословакии, Королевства сербов, хорватов и словенцев (КСХС), Финляндии, государств Балтии. В целом, по сравнению с 1914 г., произошло серьезное усложнение самой международно-политической конфигурации в ЦВЕ. Если до Первой мировой войны основное пространство субрегиона (за исключением значительной части Балкан) было поделено между Российской, Германской и Австро-Венгерской империями, то по результатам Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. была закреплена ситуация новой «раздробленности», о которой французский дипломат Ж. Сэйду писал в записке для своего руководства от 16 февраля 1923 г.¹

Основная цель данной статьи — определить, какую роль в оценках британских дипломатов и политиков в 1920-е гг. применительно к ситуации в ЦВЕ играли представления о реставрации (пусть даже в измененном виде) такой стратегической и экономической ситуации, которая существовала до 1914 г. Иными словами, речь идет об ответе на вопрос, насколько над суждениями, имевшими хождение в британских правительственных кругах, нависала «тень империй», доминировавших в ЦВЕ до Первой мировой войны.

Актуальность темы исследования обусловлена, прежде всего, наличием определенно-го структурного сходства между стратегической и геополитической ситуацией в Европе после 1919 г. и той, что образовалась на континенте по окончании холодной войны (ее базовые черты сохраняются до сих пор, несмотря на целый ряд последовавших затем изменений). По словам французского историка Ж. Барьети, «начиная с 1990 г., мы видели, как на свет вновь появилась карта Европы, серьезным образом напоминая ту, что образовалась по итогам соглашений 1919–1920 гг. ...»².

¹ Documents diplomatiques français. 1923. T. 1. Bruxelles, 2010. P. 247.

² Bariéty J. Introduction // Aristide Briand, la Société des Nations et l'Europe, 1919–1932 / sous la dir. de J. Bariéty. Strasbourg, 2007. P. 14.

Внимание, которое уделялось анализу вопросов, связанных с британской внешней политикой в ЦВЕ в 1920-е гг., традиционно уступало другим проблемам — анализу стратегии и дипломатии Лондона в Западной Европе, в империи, в отношениях с Советским Союзом. Эта мысль применима как к зарубежной историографии, где различные аспекты стратегии и дипломатии Великобритании изучены более детально, так и к советской и российской историографии³. В 2000–2010-е годы значительная часть англоязычных работ, затрагивавших проблематику, близкую данной статье, принадлежала перу историков — выходцев из стран самой ЦВЕ, активно работавших в архивах Соединенного Королевства⁴. При этом даже в специализированных исследованиях по стратегии и дипломатии Лондона в ЦВЕ вопрос о «тени империй», влиявшей на британские внешнеполитические концепции, упоминался лишь вскользь⁵.

Основу предлагаемого исследования составили архивные и опубликованные британские документы, характеризующие деятельность внешнеполитического ведомства и правительства Соединенного Королевства: фонд Кабинета министров и личные фонды сотрудников МИД, отложившиеся в Национальном архиве Великобритании⁶; различные официальные публикации дипломатических документов и материалов⁷. Ряд из них был уже активно задействован зарубежными и отечественными историками. Однако тот аналитический ракурс, под которым они рассмотрены в данной статье, придают исследованию новизну.

«Тень империй» в британских оценках ситуации в ЦВЕ представляла собой смесь опасений по поводу послевоенного положения в субрегионе и некоторой ностальгии по прошлой геополитической конфигурации, во многом устраивавшей Лондон. В записке от 21 октября 1918 г. премьер-министр Южно-Африканского Союза и видный деятель Британской империи Я. Сметс уверенно констатировал, что «наши враги проиграли войну». Вместе с тем уже тогда он отмечал тревожные симптомы намечавшейся послевоенной ситуации: «Существует серьезная угроза того, что плохая, но более или менее организованная политическая система Европы довоенного образца уступит место дикому беспорядку, который будет состоять из враждующих и воюющих друг с другом государственных фрагментов, примерно по тому образцу, который мы наблюдаем сейчас в колоссальном масштабе в России ... Что произойдет, если Австрия (т.е. Австро-Венгерская империя. — И.М.) распадется и превратится в “Балканы” огромного размера (а это представляется сейчас весьма вероятным)? При создании “независимой” Польши возникнет полоса, состоящая из нестройных фрагментов, и она протянется как раз поперек Европы от Финляндии на Севере до Турции на Юге»⁸.

После 1918 г. Форин офис и Уайтхолл не исключали ликвидации или резкого ослабления новых/воссозданных государств в ЦВЕ в результате советско-германского

³ Трухановский В.Г. Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918–1939 гг.). М., 1962; Grayson R.S. Austen Chamberlain and the Commitment to Europe: British Foreign Policy, 1924–29. London, 1997; Фомин А.М. Война с продолжением: Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство». 1918–1923. М., 2010; Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании. М., 2015.

⁴ Lofkó M. Meddling in Middle Europe: Britain and the “Lands between” 1919–1925. Budapest, 2006; Bakić D. Britain and Interwar Danubian Europe: Foreign Policy and Security Challenges, 1919–1936. London, 2017.

⁵ Orde A. British Policy and European Reconstruction after the First World War. Cambridge, 1990; Protheroe G.J. Searching for Security in a New Europe: the Diplomatic Career of Sir George Russell Clerk. London, 2006.

⁶ The National Archives of Great Britain (TNA), Cabinet Office (CAB) 23; TNA, CAB 24; TNA, FO 800.

⁷ Documents on British Foreign Policy 1919–1939 (DBFP). Ser. 1. Vol. 1–27. London, 1947–1986; DBFP. Ser. 1a. Vol. 1–7. London, 1966–1975; British Documents on Foreign Affairs (BDFA). Pt. 2. Ser. F. Vol. 1–5. Bethesda (Md.), 1989–1992.

⁸ GT-6091, Note by Smuts, 21 October 1918 // The National Archives of Great Britain (TNA), Cabinet Office (CAB) 24/67. Fol. 235–236.

сближения либо (в меньшей степени) в результате усиления влияния Москвы на Балканах, возможно, в рамках «квазиальянса» с кемалистской Турцией.

Подобные страхи особенно остро проявились в условиях советско-польской войны, пик которой пришелся на 1920 г. В феврале, незадолго до очередной активизации конфликта, британский посланник в Варшаве Г. Рамболд и Центральный департамент Форин офис были солидарны в критике курса, который проводил глава Польского государства маршал Ю. Пилсудский. Дипломаты считали, что он был нацелен на создание своего рода «буферных государств» между Польшей и Советской Россией. Эти государства, по оценке Рамболда в телеграмме от 10 февраля 1920 г., «будут источниками проблем в будущем»⁹. В августе, уже в самый разгар советско-польской войны, когда взятие Варшавы Красной армией казалось более чем возможным, секретарь британского Кабинета министров М. Хэнки, только что осуществивший миссию в польскую столицу, в своем отчете писал: «Продолжение существования Польши между Германией по одну сторону и Россией по другую крайне проблематично, даже если она переживет нынешний кризис»¹⁰. Он всерьез рассматривал сценарий исчезновения Польши и получения Германией общей границы с Советской Россией.

Не только Хэнки, но и министр иностранных дел Дж. Керзон, а также военный министр У. Черчилль не исключали тогда возможного советско-германского «сговора» за счет раздела Польши. Однако они считали его намного более опасным, чем влиятельный секретарь Кабинета министров, относившийся к возможности исчезновения Второй Речи Посполитой более спокойно. Керзон полагал, что образование «комбинации России и Германии» «будет фатальным для надежд на мир и на выполнение Версальского договора»¹¹. Тогда же Черчилль официально выступил с идеей о заключении Великобританией союза с Францией и Бельгией. Таким образом, полагал Черчилль, Лондон мог смягчить политику Франции в отношении Германии, побуждавшую последнюю смотреть в сторону Советской России. Предполагаемое проникновение большевизма в Европу через советско-германский союз было кошмаром для Черчилля¹².

Премьер-министр Д. Ллойд Джордж был склонен, скорее, критиковать польскую сторону и призывал Варшаву принять советские мирные предложения. Для Ллойда Джорджа весной-летом 1920 г. важнее было договориться с Советской Россией, пусть даже и за счет Польши¹³. Подобная линия была заметна в британской дипломатии и раньше: «Поляки пытаются использовать временную угрозу большевизма как повод для захвата значительных земель на Востоке, которые им не принадлежат», — было отмечено в меморандуме Форин офис от 12 января 1919 г., в преддверии Парижской мирной конференции¹⁴.

Хотя худшие прогнозы лета 1920 г. не реализовались, представление о нестабильном характере Версальского порядка в ЦВЕ не покидало влиятельных деятелей в Лондоне, а также британских представителей на местах даже после отступления Красной армии от Варшавы. В записке от 17 февраля 1921 г. Керзон писал, что балтийские государства сумеют сохранять независимость не более 20 лет, что оказалось практически точным прогнозом. Согласно исследователю, комментировавшему эту точку зрения, в Лондоне «не было иллюзий относительно независимости государств Балтии в долгосрочной

⁹ Цит. по: *Gąsiorowski Z.J.* Joseph Piłsudski in the Light of British Reports // *The Slavonic and East European Review*. 1972. Vol. 50. № 121. P. 558.

¹⁰ C[abinet] P[aper] 1724, Personal Report by Hankey, 3 August 1920 // TNA, CAB 24/110. Fol. 83.

¹¹ Curzon to Derby, 13 August 1920 (in CP 1775) // TNA, CAB 24/110. Fol. 388.

¹² *Maisel E.* The Foreign Office and Foreign Policy, 1919–1926. Brighton, 1994. P. 76.

¹³ *Carley M.J.* Anti-Bolshevism in French Foreign Policy: The Crisis in Poland in 1920 // *The International History Review*. 1980. Vol. 2. № 3. P. 416–417, 421.

¹⁴ Цит. по: *Oberdörfer L.* The Danzig Question in British Foreign Policy, 1918–1920 // *Diplomacy & Statecraft*. 2004. Vol. 15. № 3. P. 579.

перспективе»¹⁵. Само «промежуточное» положение восточноевропейских государств во главе с Польшей между СССР и Германией вызывало у ряда британских политиков и дипломатов ощущение непрочности международных позиций Варшавы.

Градус британского скепсиса по поводу стабильности в ЦВЕ несколько снизился после заключения Локарнских соглашений (парафированы 16 октября 1925 г., подписаны 1 декабря того же года), которые обозначили постепенный дрейф Германии в сторону Великобритании и Франции и некоторое отдаление Берлина от Москвы. «Старую опасность русско-германского союза, направленного против западных держав, можно считать устаревшей», — записал в своем дневнике посол Великобритании в Берлине Э. д'Абернон 15 ноября 1925 г.¹⁶

Описывая дипломатические ставки, стоявшие за Локарнскими соглашениями, министр иностранных дел Великобритании О. Чемберлен не раз говорил о том, что «Англия и Россия борются за душу Германии». Эту мысль летом 1925 г. он стремился донести в Лондоне до польского посла К. Скирмунта¹⁷, повторив затем в беседе с французским министром иностранных дел А. Брианом 18 мая 1927 г.¹⁸

Вместе с тем следование немецкого министра иностранных дел Г. Штресемана Локарнской политике не исключало сохранения Берлином «советской карты», что отразилось, среди прочего, в заключении договора о ненападении с Москвой 24 апреля 1926 г. Реакция Чемберлена и д'Абернона на это соглашение была умеренно негативной. За 6 дней до подписания договора (Берлин оповестил британцев и французов о возможном его заключении 31 марта) Чемберлен писал сестре Иде, что «немного волнуется» по этому поводу, в том числе в связи последствиями, которые договоренность с Москвой окажет на германо-польские отношения. Однако британский министр тогда же подчеркивал, что верит успокаивающим заверениям Штресемана¹⁹. Позднее в письмах д'Абернону Чемберлен высказывался в более критическом духе, считая, что Германия поступила «глупо ... но это ее дело» (25 апреля). Он полагал, что главная забота Берлина — «служить и вашим и нашим» (28 апреля)²⁰. Сам текст договора оценивался сотрудниками Форин офис как содержащий большое количество неясностей, а его терминология — как носившая двойственный характер. Даже д'Абернон, пользовавшийся репутацией германофила, был обеспокоен²¹.

Тем не менее официальная британская реакция на Берлинский пакт осталась сдержанной и была менее острой, чем французская. Главное опасение Чемберлена, мыслившего в унисон с д'Аберноном, оставалось прежним — не толкнуть собственными действиями Германию в «другой лагерь», т.е. в сторону СССР. Относительно спокойное отношение к советско-германскому договору при условии продолжения Локарнского сотрудничества с Германией считалось наилучшим средством в этом отношении. Советский полпред в Германии Н.Н. Крестинский 20 апреля 1926 г., ссылаясь на материалы прессы, писал в Москву о том, что «Чемберлен через своих послов и посланников сообщил германскому правительству и правительствам локарнских держав, что великобританское правительство не выдвигает возражений против заключения Германией договора с СССР...»²².

К концу 1920-х гг. в ряде оценок Форин офис говорилось о выраженном ухудшении отношений Москвы и Берлина. В феврале 1929 г. глава Северного департамента МИД Великобритании Дж. Вильерс полагал, что «сложно сомневаться в том, что торговые

¹⁵ *Kupčičūnas D.* When Mediation Fails: Britain, France, and the Settlement of the Vilnius Conflict, 1920–1922 // *Diplomacy & Statecraft*. 2011. Vol. 22. № 2. P. 183.

¹⁶ *D'Abernon E.* Ambassador of Peace. Vol. 3. London, 1931. P. 198.

¹⁷ *Grayson R.S.* Op. cit. P. 47.

¹⁸ DBFP. Ser. 1a. Vol. 3. London, 1970. P. 309–310.

¹⁹ *The Austen Chamberlain Diary Letters: The Correspondence of Sir Austen Chamberlain with His Sisters Hilda and Ida, 1916–1937* / ed. R.C. Self. Cambridge, 1995. P. 287.

²⁰ Цит. по: *Wright J.* Gustav Stresemann: Weimar's Greatest Statesman. N.Y., 2002. P. 356.

²¹ *Johnson G.* The Berlin Embassy of Lord D'Abernon, 1920–1926. Basingstoke, 2002. P. 131.

²² Документы внешней политики СССР. Т. 9. М., 1964. С. 243.

и финансовые круги в Германии начинают сожалеть о заразительном оптимизме графа [У. фон] Брокдорф-Ранцау, бывшего посла Германии в Москве, и все больше разочаровываются в перспективах использования России»²³.

Угроза усиления советского влияния на Балканах — своего рода «реинкарнация» былой политики Российской империи — уступала по своему значению в британских оценках риску советско-германского сближения. Все же подобные опасения периодически появлялись в первое послевоенное десятилетие. Особенно острый характер они носили осенью 1922 г., в период Чанакского кризиса, когда войска М. Кемаля продвигались к Константинополю. Тогда в Лондоне не исключали вооруженного столкновения Великобритании, оставшейся без французской и итальянской поддержки, не только с Турцией, но и с Советской Россией. Последняя, как считалось, была связана с Анкарой секретными договоренностями о совместных действиях²⁴.

В меморандуме влиятельного сотрудника Форин офис Г. Николсона от 15 ноября 1922 г., составленном в преддверии Лозаннской конференции, содержались опасения перед усилением советско-турецкого «блока» в случае невыгодного для Великобритании решения вопроса о Проливах. Николсон отмечал, что при наличии международно-правовых преград для отправки британского флота в Черное море последнее станет «русско-турецким озером». Более того, «вся система дунайских союзов и связей, сконцентрированная вокруг Малой Антанты, в той или иной степени войдет в орбиту либо Франции, либо России»²⁵.

В еще более алармистском духе была выдержана депеша британского посла в Болгарии У. Эрскина от 22 ноября 1922 г. Размышляя о новом мирном договоре с Турцией, дипломат опасался того, что присутствие турецкой армии в Восточной Фракии спровоцирует требование Софии об увеличении собственных сил. Это приведет к нарушению Нейского мирного договора с Болгарией от 27 ноября 1919 г. Однако, с точки зрения Эрскина, перевешивали иные соображения: «... в интересах других балканских стран и поддержания мира может оказаться [необходимым] позволить Болгарии стать в разумной степени сильнее и тем сам выступить барьером против дальнейшего турецкого продвижения». Это было лучше, полагал дипломат, «чем оставить ее настолько слабой, что возникнет риск подтолкнуть Болгарию в руки советско-кемалистов, которые смогут перевооружить ее для собственных нужд». В Форин офис, однако, к рекомендациям Эрскина отнеслись прохладно, считая, что создания на болгаро-турецкой границе демилитаризованной зоны будет достаточно²⁶.

Если в рассуждениях об эвентуальном возрождении общей советско-германской границы или об усилении Москвы на Балканах доминировали опасения, то отмеченный выше элемент ностальгии (но отнюдь не только он) присутствовал в другом проявлении «тени империй». Речь шла о стремлении Лондона стимулировать укрепление торгово-экономических связей и снизить напряженность между «государствами-наследниками», вышедшими из Австро-Венгрии. Благодаря этому можно было отчасти возродить былое единое торгово-экономическое пространство в Дунайской Европе. Подобный настрой присутствовал уже в дипломатических разработках времен Первой мировой войны о создании послевоенных конфедераций и блоков в Европе. Эти разработки отражали сомнения сотрудников Форин офис в жизнеспособности малых стран, «в их экономической состоятельности и способности обеспечить свою безопасность собственными силами»²⁷.

²³ Memo by Villiers, 21 February 1929 (in CP 79 (29)) // TNA, CAB 24/202. Fol. 360.

²⁴ Ferris J. "Far Too Dangerous a Gamble"? British Intelligence and Policy during the Chanak Crisis, September–October 1922 // *Diplomacy & Statecraft*. 2003. Vol. 14. № 2. P. 139–184.

²⁵ CP 4308, Memo by Nicolson, 15 November 1922 // TNA, CAB 24/140. Fol. 60.

²⁶ Erskine to Vansittart, 22 November 1922 // TNA, Foreign Office (FO) 800/152. Fol. 331–332.

²⁷ Романова Е.В. В поисках нового «баланса сил»: британский взгляд на проблемы послевоенного урегулирования в Европе летом-осенью 1916 г. // Первая мировая война: историография и уроки (Материалы VIII Конвента РАМИ, апрель 2014 г.) / под ред. А.В. Ревякина; отв. ред. А.В. Мальгин. М., 2015. С. 71.

Вместе с тем такой настрой отвечал и прагматичным интересам Великобритании. Активизация торговли и инвестиций в страны ЦВЕ была выгодна британским элитам. Довоенный дефицит в торговле со странами субрегиона (21,2 млн ф.ст. в 1913 г.) сменился после 1919 г. на положительное сальдо торгового баланса (22,1 млн ф.ст. в 1924 г.)²⁸. ЦВЕ представляла собой удобный рынок для экспорта британских промышленных товаров в обмен на необходимые Соединенному Королевству сырье и продовольствие. Страны субрегиона могли также служить местом приложения и вывоза капитала.

Еще осенью 1919 г. эксперты британского Министерства продовольствия отмечали, что доступ к российскому зерну является необходимым условием для предотвращения дефицита хлеба в Восточной Европе²⁹. В резолюциях Каннской конференции Верховного Совета Антанты (4–13 января 1922 г.) была выдвинута идея создания «международной корпорации с аффилированными национальными корпорациями. Ее цель — экономическая реконструкция Европы и сотрудничество всех государств для восстановления условий нормального процветания»³⁰. На деле речь шла о попытке консолидации западных стран для выстраивания выгодного для них торгово-экономического *modus vivendi* в отношениях с Советской Россией. В резолюциях конференции, в значительной степени отражавших точку зрения британской делегации, рынки ЦВЕ рассматривались как «необходимые для благополучия европейской индустрии. Если эти рынки не будут восстановлены, население стран Восточной и Юго-Восточной Европы сократится на миллионы, а их реконструкция станет все более и более затруднительной. Условия, способствующие нищете и голоду на Востоке, обрекают промышленное население Западной Европы на долгий период безработицы. Они будут конкурировать друг с другом за рынки, способные принять лишь часть продукции, которую Западная Европа стремится произвести»³¹.

Военно-политическая стабилизация в ЦВЕ должна была не только подкрепить процессы развития торговли и экономики Европы на либеральных началах, но и позволить Лондону выделять меньше ресурсов и обращать меньше внимания на проблемы субрегиона. С точки зрения ведущих британских деятелей, ЦВЕ отнюдь не была зоной приоритетных интересов Соединенного Королевства. Подобное отношение со стороны британских властей было заметно уже в период послевоенного урегулирования, в том числе во время вспыхнувшей в марте 1919 г. революции в Венгрии. Несмотря на серьезные последствия, которые могла повлечь для Антанты революция, причудливым образом совмещавшая национализм, протест против «национального унижения» и социалистические требования, у ведущих западных государств оказалось не так много возможностей для противодействия ей. 23 марта Николсон с горечью записал в своем дневнике: «Неприятна революция в Венгрии; из-за этого, может быть, нам придется вновь отказаться от Румынии. Мы быстро проигрываем мир, и вся наша тяжелая работа оказывается впустую...»³².

Несмотря на подобные опасения, Ллойд Джордж и тогдашний министр иностранных дел А. Бальфур были солидарны в том, что Великобритания не должна использовать для подавления Венгерской революции собственные войска. Они стремились переложить это бремя на соседние с Венгрией государства (что в итоге и произошло)³³. В записке от 4 января 1925 г., в самом начале британского «пути в Локарно», Чемберлен задавался характерными вопросами, в которых вновь была зафиксирована относительно низкая заинтересованность Лондона в Востоке Европы: «Можем ли мы предложить англо-франко-бельгийский гарантийный пакт, за которым последует четверной пакт с участием

²⁸ Moggridge D.E. British Monetary Policy 1924–1931: The Norman Conquest of \$4.86. Cambridge, 1972. P. 34.

²⁹ DBFP. Ser. 1. Vol. 7. London, 1958. P. 197–201.

³⁰ CP 3657, Summary of Conclusions Reached at Cannes, January 1922 // TNA, CAB 24/132. Fol. 269.

³¹ Ibid. Fol. 270.

³² Никольсон Г. Как делался мир в 1919 г. М., 1945. С. 226.

³³ Balfour to Lloyd George, 18 July 1919 // TNA, FO 800/217. Fol. 225.

Германии? ... И как в любом случае мы собираемся защищать наши жизненные интересы на Западе [Европы], одновременно предохранив себя от возможности быть втянутыми в споры вокруг Литвы или Бессарабии?»³⁴.

Не имея жизненно важных стратегических интересов в субрегионе, Лондон все же стремился облегчить торгово-экономические связи в Дунайской Европе. В этом британские политики не были одиноки. Де-факто уже с момента завершения войны «идея о создании таможенного или торгового союза между государствами-наследниками» Австро-Венгрии была «общей чертой в подходах всех великих держав к вопросу об экономической стабилизации в Центральной и Юго-Восточной Европе»³⁵. В январе 1919 г. британский представитель в Межсоюзной комиссии Антанты по помощи Австрии У. Беверидж, впоследствии автор известного плана по социальному страхованию, докладывал в Лондон: «Распад Австро-Венгерской империи и оккупация ее различных частей союзными вооруженными силами... привели к экономическому хаосу. Территории, до этого составлявшие единое экономическое целое, зависящие друг от друга в отношении поставок ключевых ресурсов, разделены теперь политическими границами или линиями зон военной оккупации, причем и те и другие имеют тенденцию превращаться в экономические барьеры». Иллюстрируя свой тезис с помощью информации, полученной от венгерского Министерства социальной помощи, Беверидж привел наглядный пример: «...определенное количество венгерских солдат, потерявших конечности во время войны, были отправлены в Будапешт, дабы с них сняли мерки для изготовления протезов. После этого они вернулись домой, где ожидали протезов, которые должны были изготовить и отправить им. В настоящее время протезы готовы и находятся в Будапеште. Однако в целом ряде случаев те, для кого они предназначались, живут на территории сербской и румынской зон оккупации (на территории бывшей Венгрии. — *И.М.*) и не могут их получить. Мужчины, лишенные рук и ног, находятся по одну сторону от демаркационной линии, а протезы — по другую»³⁶.

Стремление Лондона активизировать и облегчить торгово-экономические связи на территории новообразованных или воссозданных государств наглядно проявилось в период подготовки и созыва Генуэзской конференции (10 апреля — 19 мая 1922 г.)³⁷. Конференция задумывалась как «детище» Ллойда Джорджа, желавшего стабилизировать ситуацию в Европе на выгодных для Лондона условиях. Во внутреннем меморандуме министра торговли и влиятельного члена Консервативной партии С. Болдуина от 25 марта 1922 г. подчеркивалось, что благополучие ни одной страны так не зависело от экспорта, как Британии. Война нарушила работу «машины международной торговли»: «На протяжении трех лет мы пытались завести машину. С трудом мы подладили зубчатые колеса, и некоторые из них стали вращаться, но в Европе ущерб почти не восстановлен, и весь механизм отказывается работать из-за неполадок в одной из частей»³⁸.

На заседании Кабинета министров от 28 марта Ллойд Джордж также акцентировал идею о том, что сохранение военно-политической напряженности препятствует развитию торговли со странами ЦВЕ. Он говорил о «состоянии, похожем на угрожающее, вдоль российской границы. Россия полна подозрений в отношении Румынии, Польши,

³⁴ Цит. по: Crowe S. Sir Eyre Crowe and the Locarno Pact // English Historical Review. 1972. Vol. 87. № 342. P. 55.

³⁵ Пресняков А.З. Проблема мирного урегулирования на территории бывшей Австро-Венгрии: роль великих держав (1918–1921 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. М., 2014. С. 238.

³⁶ GT 6768A, Inter-Allied Commission on Relief of Austria, Interim Report by British Delegate, 17 January 1919 // TNA, CAB 24/74. Fol. 292.

³⁷ Хормач И.А. Советское государство на международной конференции в Генуе по экономическим и финансовым вопросам. 10 апреля — 19 мая 1922 года // Новая и новейшая история. 2020. № 3. С. 80–106.

³⁸ CP 3890, Memo by Baldwin, 25 March 1922 // TNA, CAB 24/134. Fol. 403–404.

Финляндии и других соседних стран; последние в равной степени не доверяют России. Половина Европы живет в условиях угрозы войны...»³⁹. Провал Генуэзской конференции и последовавший за этим новый виток военно-политической напряженности в Европе в период Рурского кризиса 1923 г. на время отодвинули подобные британские планы на задний план. Однако относительная стабилизация 1924–1925 гг. на базе «плана Дауэса» и Локарнских соглашений вновь сделала их актуальными.

После 1925 г. в качестве способа нормализации отношений между странами ЦВЕ Форин офис часто рассматривал заключение последними соглашений по «модели Локарно», уже опробованной ведущими западными державами⁴⁰. На следующий день после парафирования Локарнских соглашений Чемберлен писал своему помощнику У. Тиррелу о том, что «другие государства могут последовать нашему примеру»⁴¹. В феврале 1927 г. Р. Кембелл, влиятельный сотрудник Западного департамента Форин офис, а затем его глава (с 1928 г.), продолжал считать, что наиболее эффективный путь к безопасности и разоружению на континенте состоял в подписании «региональных соглашений между отдельными государствами и группами государств, основанных на взаимном доверии, произрастающем из арбитражных договоров или по иным причинам»⁴².

Планы «Центрально-европейского Локарно», которые развивала британская дипломатия, в случае их реализации, должны были привести к тому, что вполне напоминало «тень» Австро-Венгерской империи. 17 октября 1925 г. Чемберлен в беседе с чехословацким министром иностранных дел Э. Бенешем высказал идею о том, что Прага может выступить инициатором сближения стран Малой Антанты, с одной стороны, Венгрии и Австрии — с другой. Однако Бенеш и его югославский коллега М. Нинчич резонно сомневались в реалистичности подобного замысла, если инициатива не будет всерьез поддержана Лондоном и Парижем. Они также принимали во внимание сохранявшееся содействие требованиям Венгрии, направленным на пересмотр Трианонского мирного договора, со стороны Италии⁴³.

В ноябре 1925 г. сотрудник Центрального департамента МИД Великобритании Ч. Говард-Смит продолжил разрабатывать вариант, предложенный Чемберленом. Дипломат считал, что признание Будапештом трианонских границ может быть дополнено созданием демилитаризованных зон по границам всех затрагиваемых соглашением государств⁴⁴. В разработках Форин офис от декабря 1925 г. не исключался потенциально более удобный для Венгрии вариант. В предполагаемой схеме уже не фигурировала Чехословакия, но при этом в нее вводилась дружественная Венгрии Польша, что в итоге должно было привести к соглашению между Польшей, КСХС, Румынией и Венгрией. Чемберлен лично убеждал венгерского премьер-министра И. Бетлена в возможности заключить многосторонние пакты в Центральной Европе во время встречи в Женеве 8 декабря⁴⁵.

Однако реализация подобных схем выглядела мало реалистичной ввиду целого ряда факторов: глубоких противоречий между странами Малой Антанты и Венгрией; неготовности Лондона к активному вмешательству в дела ЦВЕ; франко-итальянских противоречий⁴⁶. Неудача других схожих по общей задумке планов («Балканское Локарно», «Северное Локарно» и др.) заставила британских дипломатов сомневаться в реалистичности самого проекта. В обобщающем меморандуме Форин офис от 5 апреля 1928 г. все еще утверждалось, что «настоящая дорога к миру и процветанию состоит в заключении

³⁹ C[abinet] C[onclusions] 21 (22), 28 March 1922 // TNA, CAB 23/29. Fol. 337.

⁴⁰ Родин Д. В. «Балканское Локарно» во внешней политике Великобритании в 1925–1926 годах // Новая и новейшая история. 2020. № 6. С. 106–120.

⁴¹ Цит. по: Finney P. Raising Frankenstein: Great Britain, “Balkanism” and the Search for a Balkan Locarno in the 1920s // European History Quarterly. 2003. Vol. 33. № 3. P. 320.

⁴² DBFP. Ser. 1a. Vol. 3. P. 23.

⁴³ DBFP. Ser. 1. Vol. 27. London, 1986. P. 893.

⁴⁴ DBFP. Ser. 1a. Vol. 1. London, 1966. P. 128.

⁴⁵ Ibid. P. 225.

⁴⁶ Steiner Z. The Lights that Failed: European International History 1919–1933. Oxford, 2005. P. 404.

взаимных соглашений о ненападении и примирении по модели арбитражных договоров, подписанных в Локарно». Однако, переходя от теории к практике, дипломаты смотрели на ситуацию с большим пессимизмом, чем ранее: «Суждение, сделанное в прошлогоднем меморандуме, о том, что Локарнская договорная система, кажется, приносит плоды в Центральной и Юго-Восточной Европе, к сожалению, нельзя подтвердить...»⁴⁷.

Наконец, еще одним проявлением «тени империй» была характерная для целого ряда британских дипломатов и политиков критика внутренней и внешней политики воссозданных или новообразованных государств, которую Лондон рассматривал как националистическую. Подобный национализм, согласно британским оценкам, ранее сдерживали власти многонациональных империй. Настрой МИД Великобритании и Уайтхолла был особенно заметен в отношении ряда балканских государств во главе с КСХС.

Критика «балканизма» — причудливой смеси локального национализма, интриганства, милитаризма и т.д., если использовать термин британского историка П. Финни⁴⁸, на которую накладывалось чувство собственного превосходства над средними и малыми государствами, — соседствовала в оценках Форин офис с прагматизмом. Британские дипломаты не раз призывали руководство балканских государств урегулировать противоречия друг с другом, а возможно, и сформировать новые конфедерации или федерации. Уже заключение договора о взаимопомощи между Чехословакией и КСХС 14 августа 1920 г., ставшего «первым камнем» в основании будущей Малой Антанты, в полный рост поставило перед Лондоном вопрос об отношении к проектам той или иной консолидации «государств-наследников» Австро-Венгрии⁴⁹.

О единстве точек зрения в Форин офис в сентябре 1920 г. говорить не приходится. Поверенный в делах Великобритании в Венгрии У. Этелстен-Джонсон смотрел на недавнее соглашение Праги и Белграда скорее пессимистично. Он считал, что формирующийся «блок» будет ориентироваться на Францию, которая тем самым закрепит за собой лидерство в Центральной Европе⁵⁰. Советник британской дипломатической миссии в Италии Г. Кеннард оценивал положение дел с большим оптимизмом. Тогда же, в сентябре, он рекомендовал расширить договоренность Чехословакии и КСХС за счет присоединения к соглашению не только Румынии, но и Греции. По всей видимости, с помощью этого шага дипломат рассчитывал усилить британское влияние на группировку⁵¹. Ллойд Джордж, в свою очередь, выступал против членства в предполагаемом блоке Польши. Последняя воспринималась, согласно словам, сказанным в начале января 1924 г. британским посланником в Чехословакии Дж. Клерком Бенешу, как «верный вассал Франции»⁵².

Неясным был не только желательный для Лондона состав и характер консолидации государств в ЦВЕ, но и тот ключевой партнер, на взаимодействие с которым британцы хотели сделать ставку. Клерк, назначенный посланником в Прагу в конце 1919 г. и занимавший этот пост до 1926 г., предлагал опираться на Чехословакию. Он исходил из того, что эта страна — наиболее стабильное из новообразованных государств; именно она должна стать основой Центрально-европейского блока вместе с Польшей. Клерк считал, что ставка на Венгрию, за которую ратовал британский посланник в Будапеште Т. Хоулер, является неверной⁵³.

Разночтения в дипломатической линии Лондона сосуществовали с дилеммами во внешнеэкономической политике Соединенного Королевства. Отражением британского

⁴⁷ Memo by the Foreign Office, 5 April 1928 (in CP 348 (28)) // TNA, CAB 24/198. Fol. 385.

⁴⁸ Finney P. Op. cit. P. 317–342.

⁴⁹ Язькова А.А. Малая Антанта в европейской политике: 1918–1925. М., 1974.

⁵⁰ BDFA. Pt. 2. Ser. F. Vol. 1. Bethesda (Md.), 1989. P. 137.

⁵¹ BDFA. Pt. 2. Ser. F. Vol. 4. Bethesda (Md.), 1991. P. 254.

⁵² Цит. по: Protheroe G. Sir George Clerk and the Struggle for British Influence in Central Europe, 1919–26 // Diplomacy & Statecraft. 2001. Vol. 12. № 3. P. 56.

⁵³ Bakić D. Britain and Interwar Danubian Europe... P. 33.

желания усилить финансовое влияние в Чехословакии стало соглашение Банка Англии с официальной Прагой, заключенное 10 октября 1921 г. Разведчик и дипломат Р. Брюс-Локкарт, занимавший тогда пост секретаря британской дипломатической миссии в Чехословакии, подчеркивал во внутренней переписке Форин офис необходимость оказывать разнообразное содействие Бенешу. Чехословацкий министр иностранных дел, с точки зрения Брюс-Локкарта, «возможно, является наиважнейшим фактором стабильности в современной Центральной Европе. Поддерживая его экономическую политику и освобождая его от слишком раболопной зависимости от французской помощи, я уверен, мы осуществим первый шаг к улучшению экономических отношений между различными странами Центральной Европы... Наконец, укрепив наши финансовые позиции в этой стране, мы получим наилучшую гарантию от германских попыток вновь создать Срединную Европу»⁵⁴. Клерк в письме к главе Центрального департамента МИД Великобритании М. Лэмпсону от 5 сентября 1923 г. во многом солидаризировался с этим тезисом. Посланник считал, что в будущем Чехословакия будет «нашим лучшим мостом к России и даже сейчас она является осью Центральной Европы...»⁵⁵.

Однако точка зрения Клерка была не единственной «входящей информацией», влиявшей на настроения в центральном аппарате Форин офис. Тон записки, отправленной тому же Лэмпсону 16 марта 1923 г. влиятельным сотрудником британского Казначейства О. Наймейером, был совсем иным. Ее автор призывал поддержать обсуждавшийся тогда в Лиге Наций проект международного займа Венгрии по схеме, опробованной ранее в Австрии. Этот заем поспособствовал бы, с точки зрения Наймейера, консолидации всей Юго-Восточной Европы на устраивавших Лондон условиях⁵⁶. Провенгерский настрой, характерный для депеш британского посланника Хоулера из Будапешта, также находил определенный отклик среди ряда влиятельных сотрудников. Вместе с тем позитивная реакция на них не была универсальной. В 1923 г. в одном из частных писем Лэмпсон писал Хоулеру: «Клерк, безусловно, — наш главный авторитет по Бенешу. Если мы поверим в то, что последний так плох, как Вы его описываете, мы должны поверить в то, что у Клерка произошло размягчение мозга, а это далеко не так»⁵⁷.

Противоречивыми были и те оценки, которые циркулировали в МИД Великобритании применительно к КСХС. С одной стороны, согласно сербскому исследователю Д. Бакичу, «британцы полагали, что на Балканах наибольшие проблемы могут возникнуть из-за югославо-болгарских противоречий»⁵⁸. Однако, с другой стороны, потенциальное, хотя и маловероятное, сближение Белграда и Софии также было сопряжено с точки зрения Лондона с рисками. В записке от 11 января 1922 г. сотрудник центрального аппарата Форин офис Дж. Траутбек полагал, что, несмотря на противоречия по вопросу Македонии, Белград и София могут объединиться против третьей стороны. С точки зрения дипломата, они будут руководствоваться в таком случае «желанием сбросить Грецию с Эгейского побережья» и заполучить контроль над стратегически важным портом в Салониках⁵⁹.

Постоянный заместитель министра иностранных дел Э. Кроу испытывал серьезные сомнения по поводу реального существования подобных планов. Однако Траутбек не был одинок в своих опасениях. Николсон, занимавший тогда пост 1-го секретаря Цен-

⁵⁴ Цит. по: *Orde A. Baring Brothers, the Bank of England, the British Government and the Czechoslovak State Loan of 1922* // *The English Historical Review*. 1991. Vol. 106. № 418. P. 29.

⁵⁵ Цит. по: *Protheroe G. Sir George Clerk and the Struggle for British Influence in Central Europe...* P. 55–56.

⁵⁶ *Peterecz Z. Jeremiah Smith, Jr. and Hungary, 1924–1926: the United States, the League of Nations, and the Financial Reconstruction of Hungary*. London, 2013. P. 92.

⁵⁷ Цит. по: *Bakić D. Britain and Interwar Danubian Europe...* P. 44.

⁵⁸ *Ibid.* P. 34.

⁵⁹ *Bakić D. “Must Will Peace”: The British Brokering of “Central European” and “Balkan Locarno”, 1925–9* // *Journal of Contemporary History*. 2012. Vol. 48. № 1. P. 41.

трального департамента МИД Великобритании, поддержал подобные оценки, а личное неприятие, которое дипломат испытывал к премьер-министру КСХС Н. Пашичу, делало его позицию еще более алармистской. Во внутренней записке от 16 марта 1922 г. Николсон не стеснялся в выражениях: «Г-н Пашич — это угроза для Европы. Старый, упрямый, с богатым опытом и лживый, он совмещает в себе всю поверхностность любого балканского политика с внешностью и престижем умудренного государственного деятеля. Единственная надежда Югославии — в том, чтобы он исчез»⁶⁰. Николсон полагал при этом, что сближение КСХС и Болгарии может еще сильнее ослабить британские позиции в Восточном Средиземноморье в том случае, если подобный южнославянский блок нормализует отношения с Москвой⁶¹.

Но и в этом вопросе о единстве точек зрения в Форин офис говорить не приходилось. Кеннард, занявший к тому времени пост британского посланника в КСХС, в письме Николсону от 19 июня 1925 г. выражал мысль, противоположную идеям самого Николсона трехлетней давности. Кеннард был уверен в том, что консолидация малых и средних держав — лучшее средство не допустить того, чтобы влияние ревизионистов (Германии и СССР) укрепились на Балканах. Кеннард был настроен в отношении Белграда более позитивно, чем значительная часть центрального аппарата МИД Великобритании, однако и он не был чужд критике в адрес балканских стран. Он призывал Лондон стимулировать примирение этих стран, в идеале — в форме образования федерации: «Это наш лучший шанс сопротивляться в будущем давлению Германии и России, которое, в противном случае, может продолжаться до бесконечности. Румыния, безусловно, — гнилая; Греция находится в шатком положении; а Болгарии потребуется время, чтобы встать на ноги. Югославы, конечно, — самый здоровый элемент...»⁶².

Таким образом, в британских дипломатических и правительственных оценках применительно к послевоенной ситуации в ЦВЕ можно выделить три проявления «тени империй»: опасение советско-германского сближения за счет Польши и усиления российского влияния на Балканах; стремление к возрождению (в той или иной форме) единого торгово-экономического пространства бывшей Австро-Венгрии; критика национализма новообразованных/воссозданных государств и стремление «сгруппировать» их в более крупные конфедерации или блоки.

Характеризуя воздействие, которое на британские оценки стабильности в ЦВЕ оказывали представления о геополитической организации субрегиона до 1914 г., можно отметить сочетание в этих оценках жесткого прагматизма, с одной стороны, и наличия целого ряда национально- и социально-окрашенных стереотипов — с другой. Ясное осознание стратегических угроз, вытекавших для Лондона из советско-германского сближения, стремление закрепить собственные финансово-экономические позиции в странах ЦВЕ и обеспечить соответствующий политический климат для активизации торговых отношений с ними соседствовали с великодержавным высокомерием в отношении ряда славянских и балканских государств.

Можно констатировать, что «тень империй» играла немаловажную роль в британских оценках применительно к ЦВЕ в 1920-е гг. В Лондоне отнюдь не исключали того, что Польша может либо исчезнуть с политической карты Европы, либо должна будет в будущем пойти на уступки своим могущественным соседям (Германии и СССР). Проявлениями «тени» Австро-Венгерской империи можно считать ходовые тезисы ряда сотрудников Форин офис о желательности снизить таможенные барьеры и ликвидировать преграды на пути торговли и экономического взаимодействия в Дунайской Европе; осуждение местных национализмов на Балканском полуострове. Внимание

⁶⁰ Цит. по: Ibidem.

⁶¹ Bakić D. Britain and Interwar Danubian Europe... P. 37.

⁶² Цит. по: Bakić D. "Must Will Peace"... P. 39.

к возможному советскому проникновению на Балканы и в Юго-Восточную Европу также в некоторой степени сближало образ СССР и бывшей Российской империи в глазах британских дипломатов.

Библиография

- Документы внешней политики СССР. Т. 9. М., 1964.
- Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании. М., 2015.
- Никольсон Г. Как делался мир в 1919 г. М., 1945.
- Пресняков А.З. Проблема мирного урегулирования на территории бывшей Австро-Венгрии: роль великих держав (1918–1921 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. М., 2014.
- Родин Д.В. «Балканское Локарно» во внешней политике Великобритании в 1925–1926 годах // Новая и новейшая история. 2020. № 6. С. 106–120.
- Романова Е.В. В поисках нового «баланса сил»: британский взгляд на проблемы послевоенного урегулирования в Европе летом-осенью 1916 г. // Первая мировая война: историография и уроки (Материалы VIII Конвента РАМИ, апрель 2014 г.). М., 2015. С. 63–80.
- Трухановский В.Г. Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918–1939 гг.). М., 1962.
- Фомин А.М. Война с продолжением: Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство». 1918–1923. М., 2010.
- Хормач И.А. Советское государство на международной конференции в Генуе по экономическим и финансовым вопросам. 10 апреля – 19 мая 1922 года // Новая и новейшая история. 2020. № 3. С. 80–106.
- Языкова А.А. Малая Антанта в европейской политике: 1918–1925. М., 1974.
- Bakić D. “Must Will Peace”: The British Brokering of “Central European” and “Balkan Locarno”, 1925–9 // Journal of Contemporary History. 2012. Vol. 48. № 1. P. 24–56.
- Bakić D. Britain and Interwar Danubian Europe: Foreign Policy and Security Challenges, 1919–1936. London, 2017.
- Bariéty J. Introduction // Aristide Briand, la Société des Nations et l’Europe, 1919–1932 / sous la dir. de J. Bariéty. Strasbourg, 2007. P. 14.
- British Documents on Foreign Affairs. Pt. 2. Ser. F. Vol. 1. Bethesda (Md.), 1989.
- British Documents on Foreign Affairs. Pt. 2. Ser. F. Vol. 4. Bethesda (Md.), 1991.
- Carley M.J. Anti-Bolshevism in French Foreign Policy: The Crisis in Poland in 1920 // The International History Review. 1980. Vol. 2. № 3. P. 410–431.
- Crowe S. Sir Eyre Crowe and the Locarno Pact // English Historical Review. 1972. Vol. 87. № 342. P. 49–74.
- D’Abernon E. Ambassador of Peace. Vol. 3. London, 1931.
- Documents diplomatiques français. 1923. T. 1. Bruxelles, 2010.
- Documents on British Foreign Policy 1919–1939. Ser. 1. Vol. 7. London, 1958.
- Documents on British Foreign Policy 1919–1939. Ser. 1. Vol. 27. London, 1986.
- Documents on British Foreign Policy 1919–1939. Ser. 1A. Vol. 1. London, 1966.
- Documents on British Foreign Policy 1919–1939. Ser. 1A. Vol. 3. London, 1970.
- Ferris J. “Far Too Dangerous a Gamble”? British Intelligence and Policy during the Chanak Crisis, September–October 1922 // Diplomacy & Statecraft. 2003. Vol. 14. № 2. P. 139–184.
- Finney P. Raising Frankenstein: Great Britain, “Balkanism” and the Search for a Balkan Locarno in the 1920s // European History Quarterly. 2003. Vol. 33. № 3. P. 317–342.
- Gąsiorowski Z.J. Joseph Piłsudski in the Light of British Reports // The Slavonic and East European Review. 1972. Vol. 50. № 121. P. 558–569.
- Grayson R.S. Austen Chamberlain and the Commitment to Europe: British Foreign Policy, 1924–29. London, 1997.
- Johnson G. The Berlin Embassy of Lord D’Abernon, 1920–1926. Basingstoke, 2002.
- Kupčiūnas D. When Mediation Fails: Britain, France, and the Settlement of the Vilnius Conflict, 1920–1922 // Diplomacy & Statecraft. 2011. Vol. 22. № 2. P. 181–199.
- Lojkó M. Meddling in Middle Europe: Britain and the “Lands between” 1919–1925. Budapest, 2006.
- Maisel E. The Foreign Office and Foreign Policy, 1919–1926. Brighton, 1994.
- Moggridge D.E. British Monetary Policy 1924–1931: The Norman Conquest of \$4.86. Cambridge, 1972.

- Oberdorfer L.* The Danzig Question in British Foreign Policy, 1918–1920 // *Diplomacy & Statecraft*. 2004. Vol. 15. № 3. P. 573–592.
- Orde A.* British Policy and European Reconstruction after the First World War. Cambridge, 1990.
- Orde A.* Baring Brothers, the Bank of England, the British Government and the Czechoslovak State Loan of 1922 // *The English Historical Review*. 1991. Vol. 106. № 418. P. 27–40.
- Peterecz Z.* Jeremiah Smith, Jr. and Hungary, 1924–1926: the United States, the League of Nations, and the Financial Reconstruction of Hungary. London, 2013.
- Protheroe G.* Sir George Clerk and the Struggle for British Influence in Central Europe, 1919–26 // *Diplomacy & Statecraft*. 2001. Vol. 12. № 3. P. 39–64.
- Protheroe G.J.* Searching for Security in a New Europe: the Diplomatic Career of Sir George Russell Clerk. London, 2006.
- Steiner Z.* The Lights that Failed: European International History 1919–1933. Oxford, 2005.
- The Austen Chamberlain Diary Letters: The Correspondence of Sir Austen Chamberlain with His Sisters Hilda and Ida, 1916–1937 / ed. R.C. Self. Cambridge, 1995.
- Wright J.* Gustav Stresemann: Weimar's Greatest Statesman. N.Y., 2002.

References

- Dokumenty vneshnei politiki SSSR [Documents on Foreign Policy of the USSR]. Vol. 9. Moskva, 1964. (In Russ.)
- Fomin A.M.* Voina s prodolzheniem: Velikobritaniia i Frantsiia v bor'be za "Osmanskoe nasledstvo". 1918–1923 [War Continues: the Great Britain and France Struggling for the "Ottoman Heritage". 1918–1923]. Moskva, 2010. (In Russ.)
- Hormach I.A.* Sovetskoe gosudarstvo na mezhdunarodnoi konferentsii v Genue po ekonomicheskim i finansovym voprosam. 10 aprelia – 19 maia 1922 goda [The Soviet State at the International Conference in Genoa on Economic and Financial Matters, April 10 – May 19, 1922] // *Novaia i noveishaia istoriia [Modern and Contemporary history]*. 2020. № 3. P. 80–106.
- Iaz'kova A.A.* Malaia Antanta v evropeiskoi politike: 1918–1925 [The Little Entente in the European Politics: 1918–1925]. Moskva, 1974. (In Russ.)
- Kapitonova N.K., Romanova E.V.* Istoriia vneshnei politiki Velikobritanii [History of the British Foreign Policy]. Moskva, 2015. (In Russ.)
- Nikol'son G.* Kak delalsia mir v 1919 g. [Peacemaking in 1919]. Moskva, 1945. (In Russ.)
- Presniakov A.Z.* Problema mirnogo uregulirovaniia na territorii byvshei Avstro-Vengrii: rol' velikikh derzhav (1918–1921 gg.) [Problems of the Peace-making at the Territories of the Former Austria-Hungary: Role of the Great Powers (1918–1921)]. Diss. ... kand. ist. nauk. Moskva, 2014. (In Russ.)
- Rodin D.V.* "Balkanskoe Lokarno" vo vneshnei politike Velikobritanii v 1925–1926 godakh [The "Balkan Locarno" in the UK Foreign Policy in 1925–1926] // *Novaia i noveishaia istoriia [Modern and Contemporary history]*. 2020. № 6. P. 106–120. (In Russ.)
- Romanova E.V.* V poiskakh novogo "balansa sil": britanskii vzgliad na problemy poslevoennogo uregulirovaniia v Evrope letom-osen'iu 1916 g. [Searching for the New "Balance of Power": British view on the Problems of the Post-War Settlement in Europe, Summer-Autumn 1916] // *Pervaia mirovaia voina: istoriografiia i uroki (Materialy VIII Konventa RAMI, aprel' 2014 g.)* [The First World War: Historiography and Lessons (Materials of the VIII RISA Convention, April 2014)]. Moskva, 2015. P. 63–80. (In Russ.)
- Trukhanovskii V.G.* Vneshniaia politika Anglii na pervom etape obshchego krizisa kapitalizma (1918–1939 gg.) [The Foreign Policy of England during the First Stage of the General Crisis of Capitalism (1918–1939)]. Moskva, 1962. (In Russ.)
- Bakić D.* "Must Will Peace": The British Brokering of "Central European" and "Balkan Locarno", 1925–9 // *Journal of Contemporary History*. 2012. Vol. 48. № 1. P. 24–56.
- Bakić D.* Britain and Interwar Danubian Europe: Foreign Policy and Security Challenges, 1919–1936. London, 2017.
- Bariéty J.* Introduction // *Aristide Briand, la Societe des Nations et l'Europe, 1919–1932 / sous la dir. de J. Bariéty*. Strasbourg, 2007. P.13–17.
- British Documents on Foreign Affairs. Pt. 2. Ser. F. Vol. 1. Bethesda (Md.), 1989.
- British Documents on Foreign Affairs. Pt. 2. Ser. F. Vol. 4. Bethesda (Md.), 1991.
- Carley M.J.* Anti-Bolshevism in French Foreign Policy: The Crisis in Poland in 1920 // *The International History Review*. 1980. Vol. 2. № 3. P. 410–431.
- Crowe S.* Sir Eyre Crowe and the Locarno Pact // *English Historical Review*. 1972. Vol. 87. № 342. P. 49–74.
- D'Abernon E.* Ambassador of Peace. Vol. 3. London, 1931.

- Documents diplomatiques français. 1923. T.1. Bruxelles, 2010.
- Documents on British Foreign Policy 1919–1939. Ser. 1. Vol. 7. London, 1958.
- Documents on British Foreign Policy 1919–1939. Ser. 1. Vol. 27. London, 1986.
- Documents on British Foreign Policy 1919–1939. Ser. 1A. Vol. 1. London, 1966.
- Documents on British Foreign Policy 1919–1939. Ser. 1A. Vol. 3. London, 1970.
- Ferris J.* “Far Too Dangerous a Gamble”? British Intelligence and Policy during the Chanak Crisis, September–October 1922 // *Diplomacy & Statecraft*. 2003. Vol. 14. № 2. P.139–184.
- Finney P.* Raising Frankenstein: Great Britain, “Balkanism” and the Search for a Balkan Locarno in the 1920s // *European History Quarterly*. 2003. Vol. 33. № 3. P. 317–342.
- Gąsiorowski Z.J.* Joseph Piłsudski in the Light of British Reports // *The Slavonic and East European Review*. 1972. Vol. 50. № 121. P. 558–569.
- Grayson R.S.* Austen Chamberlain and the Commitment to Europe: British Foreign Policy, 1924–29. London, 1997.
- Johnson G.* The Berlin Embassy of Lord D’Abernon, 1920–1926. Basingstoke, 2002.
- Kupčiūnas D.* When Mediation Fails: Britain, France, and the Settlement of the Vilnius Conflict, 1920–1922 // *Diplomacy & Statecraft*. 2011. Vol. 22. № 2. P. 181–199.
- Lojkó M.* Meddling in Middle Europe: Britain and the “Lands between” 1919–1925. Budapest, 2006.
- Maisel E.* The Foreign Office and Foreign Policy, 1919–1926. Brighton, 1994.
- Moggridge D.E.* British Monetary Policy 1924–1931: The Norman Conquest of \$4.86. Cambridge, 1972.
- Oberdörfer L.* The Danzig Question in British Foreign Policy, 1918–1920 // *Diplomacy & Statecraft*. 2004. Vol. 15. № 3. P. 573–592.
- Orde A.* British Policy and European Reconstruction after the First World War. Cambridge, 1990.
- Orde A.* Baring Brothers, the Bank of England, the British Government and the Czechoslovak State Loan of 1922 // *The English Historical Review*. 1991. Vol. 106. № 418. P. 27–40.
- Peterecz Z.* Jeremiah Smith, Jr. and Hungary, 1924–1926: the United States, the League of Nations, and the Financial Reconstruction of Hungary. London, 2013.
- Protheroe G.* Sir George Clerk and the Struggle for British Influence in Central Europe, 1919–26 // *Diplomacy & Statecraft*. 2001. Vol. 12. № 3. P.39–64.
- Protheroe G.J.* Searching for Security in a New Europe: the Diplomatic Career of Sir George Russell Clerk. London, 2006.
- Steiner Z.* The Lights that Failed: European International History 1919–1933. Oxford, 2005.
- The Austen Chamberlain Diary Letters: The Correspondence of Sir Austen Chamberlain with His Sisters Hilda and Ida, 1916–1937 / ed. R.C. Self. Cambridge, 1995.
- Wright J.* Gustav Stresemann: Weimar’s Greatest Statesman. N.Y., 2002.